

Иностранные
известия о казни
Степана Разина.
Новые документы
из стокгольмского
архива*

Foreign Reports
about Stepan Razin's
Execution. New
Documents from the
Stockholm Archive

Глеб Маратович Казаков

Университет Альберта-Людвига
во Фрайбурге
Фрайбург-им-Брайсгау, Германия

Gleb M. Kazakov

Albert-Ludwigs University of
Freiburg
Freiburg i. Br., Germany

Ингрид Майер

Уппсальский университет
Уппсала, Швеция

Ingrid Maier

Uppsala University
Uppsala, Sweden

Резюме

В статье анализируются сообщения западноевропейских источников о казни Степана Разина. При этом в центре внимания находятся обнаруженные в стокгольмском Государственном архиве и до настоящего времени не введенные в научный оборот донесения шведского купца в Москве Кристофа Коха, отправленные им в мае–июне 1671 г. в Нарву, откуда они пересылались, в частности, в шведскую столицу. В статье приводится полный русский перевод двух длинных писем Коха, посвященных поимке, допросу и казни Разина, с нашими комментариями. Особое внимание уделено уникальному раскрашенному рисунку, изображающему плененных Степана и Фрола

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Юбилейного фонда Шведского государственного банка (Riksbankens jubileumsfond; номер проекта – RFP12-0055:1). Авторы сердечно благодарят А. В. Лаврентьева (Москва) и Д. Уо (Сиэтл) за помощь и ценные комментарии на начальном этапе работы, а также В. Б. Крысько (Москва), который отредактировал последнюю версию.

Разиных и части тела казненного Степана. Из документов следует, что рисунок был отправлен из Москвы ингерманландскому губернатору в Нарве, а оттуда дальше в Стокгольм, вместе с двумя донесениями Коха. Авторы приходят к выводу, что подобных рисунков в Москве было сделано несколько, и что они специально распространялись среди иностранцев. По всей вероятности, только один экземпляр сохранился до наших дней, а именно в Стокгольме. Приводятся аргументы в пользу предположения, что один из рисунков оказался в Англии и там послужил прототипом для известной гравюры 1672 г., изображающей братьев Разиных в момент доставки в Москву. В рамках исследования также проведено подробное сопоставление информации, сообщаемой в донесениях Коха, с рассказами о смерти Разина, опубликованными в западноевропейских газетах, брошюрах и книгах 1670-х гг. Такое сопоставление позволяет заключить, что сведения о казни главы восстания попадали в европейскую печать от нескольких информантов — свидетелей событий, причем эти рассказы со временем начинали обрастать вымышленными деталями.

Ключевые слова

Степан Разин, казнь, донесения шведских агентов, гравюра, немецкие газеты XVII в.

Abstract

This paper analyzes reports written by foreign authors about the execution of Stepan Razin. The main focus is on two dispatches written by the Swedish citizen and merchant in Moscow, Christoff Koch, in May–June 1671 and sent to Narva, and from there, they were forwarded to the Swedish capital, among other places. They are now kept at the State Archives in Stockholm, and they have not been discussed previously in the scholarly literature. The paper contains the full translation into Russian of two long reports written by Koch about Razin's capture, delivery to Moscow, interrogation, and execution, with our comments. Special attention is given to a unique colored drawing, showing the brothers, Stepan and Frol Razin, as well as the body parts of the executed Stepan. From the written documents it becomes clear that the drawing was sent from Moscow to the governor of Swedish Ingria in Narva, and then forwarded to Stockholm, together with the two Koch dispatches. The authors come to the conclusion that several copies must have been made and that they were intentionally distributed among foreigners in Moscow. Most probably only one copy has survived to our days, the one in Stockholm. Arguments are given for the hypothesis that one copy of the drawing ended up in England and served as the prototype for the well-known imprint of 1672, which shows the Razin brothers when they were being delivered to Moscow. In our study we also compare the information given by Koch with descriptions of Razin's death that were published in West-European newspapers, pamphlets, and books during the 1670s. This comparison brings us to the conclusion that the information about the execution of the leader of the rebellion reached the European press from several witnesses to the events, and that, over time, the original information was filled out with invented details.

Keywords

Stepan Razin, execution, reports of Swedish agents, etching, 17th-century German newspapers

I. Казнь Разина в западноевропейских источниках

События восстания под руководством казацкого атамана Степана Тимофеевича Разина, которое охватило в 1670–1671 гг. Поволжье и Подонье, были хорошо освещены современниками, причем не только и даже не столько русскими очевидцами перипетий мятежа, сколько иностранными авторами. Изучение и издание сведений иностранных, прежде всего западноевропейских, источников о восстании Разина началось еще в конце XVIII столетия¹, было продолжено российскими историками XIX в. [Попов 1857] и особенно интенсивно проводилось советскими историками второй половины XX в. [Буганов 1995; Маньков 1968; ИДЕМ 1975; Соловьев 1991]. Опираясь на проделанную работу, сегодня можно с уверенностью констатировать, что восстание Разина подробно освещалось в европейской публицистике 1670-х гг., причем рассматривалось оно как в отдельно опубликованных записках современников и очевидцев, так и в прессе, прежде всего в немецких и голландских газетах². Согласно исследованию немецкого историка М. Вельке, в период между сентябрем 1670 г. и августом 1671 г. среди всех изученных им немецкоязычных газет в каждом третьем или четвертом выпуске повествовалось о восстании Разина [WELKE 1976: 203]. При этом необходимо отметить, что новости о мятеже публиковались в западноевропейской прессе, естественно, с задержкой — обычно период от отправления новостей из Москвы до их газетной публикации занимал от пяти до шести недель³. Более того, пик интереса к восстанию в Западной Европе пришелся на период с осени 1670 г. по весну 1671 г., т. е. на время, когда основные успехи Разина (взятие Астрахани, Саратова и Самары) были уже позади. Однако и после казни главаря восставших в Москве 6 июня 1671 г. в европейских газетах вплоть до февраля 1672 г. продолжали публиковаться сообщения о борьбе царского правительства с очагами сопротивления. В 1674 г. в Виттенберге даже была опубликована докторская диссертация о Разине (ее автором был Иоганн Мерц⁴). Книги, содержащие, в частности, информацию о восстании, выходили в Западной Европе и позднее. Так, в 1676 г. в Амстердаме были изданы “Три

¹ Так, А. П. Сумароков при создании своей “Сокращенной повести о Стеньке Разине” во многом опирался на сведения западноевропейских памфлетов 1670-х гг.; см. [Сумароков 1774].

² Конкретно об упоминании восстания Разина в немецкоязычных газетах см. [WELKE 1976: 203–204; MAIER 2017].

³ Впрочем, любая задержка почты, связанная с погодными условиями или иными трудностями пути, могла существенно увеличить данный срок. В частности, сообщения о подробностях восстания Разина порой выходили в Европе с опозданием в два месяца и более.

⁴ Латинский текст оригинала диссертации Мерца, а также его русский перевод см. [Маньков 1975: 31–79].

путешествия” Яна Стрейса⁵, год спустя — книга БАЛЬТАЗААРА КОЙЭТТА [1900]. В том же 1677 г. вышел десятый том исторической хроники “Theatrum Euroraeum” (“Европейский театр”), содержащий на нескольких страницах пространный рассказ о восстании и гибели его предводителя⁶. Наконец, в 1680 г. в Падуе были изданы на латинском языке “Сказания о Московии” Якова Рейтенфельса (= Раутенфельса⁷).

Одним из наиболее детально описанных западноевропейскими авторами событий разинщины стала казнь предводителя восставших. Исследователю немецкоязычной периодической прессы Мартину Вельке был известен 21 газетный выпуск, затрагивающий подробности казни [WELKE 1976: 204]. О смерти Разина рассказывали также все вышеперечисленные авторы крупных публикаций. Не обошли стороной данное событие и брошюры, одна из которых, известная в русском переводе под заглавием “Сообщение касательно подробностей мятежа”, была опубликована примерно с одним и тем же содержанием на четырех языках — сначала, в 1671 г., на нидерландском и немецком, а в следующем году также на английском и французском⁸. Идентифицировать автора “Сообщения” до сих пор не удалось. О нем мы знаем всего лишь то, что он сочинял (или по крайней мере закончил) свой рассказ, будучи в Архангельске на борту корабля “Царица Есфирь” — эта информация содержится в печатной брошюре⁹. Известно также, что голландский торговый

⁵ См. русский перевод в издании [СТРЕЙС 1935].

⁶ В том же томе помещен и фантастический портрет Разина, его репринтное издание см. [РОВИНСКИЙ 1891: 447].

⁷ Русский перевод в издании [РЕЙТЕНФЕЛЬС 1997]. Автор “Сказаний. . .” в историографии известен под фамилией Рейтенфельс (в латинском оригинале — Reutenfels), но в исторических документах его фамилия фигурирует как Раутенфельс (Rautenfels); см. подробнее [ДЖЕНСЕН, МАЙЕР 2016: 17–21]. Мы будем ссылаться на его книгу по принятой в России форме фамилии Рейтенфельс, а историческую личность будем называть Раутенфельс.

⁸ Сокращенные названия брошюры на всех четырех языках (но не без ошибок) см. [МАНЬКОВ 1968: 84, прим. 3–4]. Французская версия является переводом английской (согласно информации на обложке брошюры); о взаимоотношении изданий на трех германских языках см. [ГОЛЬДБЕРГ 1968], с приведением нескольких разночтений между ними. Текст анонимного автора наиболее известен под английским заглавием “A Relation Concerning the Particulars of the Rebellion Lately raised in Muscovy by Stenko Razin. . .” (здесь и далее — “Сообщение касательно подробностей мятежа”). Именно английская версия и перевод с нее на русский язык опубликованы в издании [МАНЬКОВ 1968: 91–119]. Нидерландская брошюра “Kort waerachtigh Verhael, Van de bloedige Rebelye in Moscovien. . .” (1671), напечатанная в Гарлеме П. Кастелейном, издателем гарлемской газеты “Oprechte Haerlemse Courant”, ныне доступна онлайн (экземпляр амстердамской университетской библиотеки на сайте books.google.com). Другой экземпляр принадлежит Королевской библиотеке в Гааге (KB Pfl9875); оба экземпляра относятся к одному и тому же изданию.

⁹ В английской брошюре в конце рассказа о казни (перед текстом “приговора” Разину) написано так: “Arch-Angle, Sept. 13/23. 1671. On Board of the Ship, the Queen Esther” (В оригинале с. 18; ср. также [МАНЬКОВ 1968: 101]).

корабль “Царица Есфирь” (официальное его название в 1670-е годы — “De Coninginne Hester”) курсировал между Амстердамом и Архангельском по крайней мере с 1669 по 1676 год¹⁰. Поскольку А. Гольдберг привел весьма убедительные аргументы в пользу того, что первоначальный текст был написан на нидерландском языке¹¹, искать автора надо скорее среди голландцев, живших в Москве и имевших тесный контакт с властями, — ведь в его распоряжение попал текст зачитанного перед казнью “приговора” Разину, перевод которого затем вошел в состав той же брошюры.

Хорошо известно, что при казни присутствовали и даже имели возможность стоять близко к эшафоту многие находившиеся в Москве иностранцы. Например, подробнейшее описание ввоза плененного Разина в город (и чуть менее подробное — самой казни)¹², содержащееся в письме английского купца Томаса Хебдона из Москвы в Ригу, позволяет с большой долей вероятности заключить, что он был одним из иностранных очевидцев. Несколько сложнее обстоят дела с Яковом Раутенфельсом и Иоганном Мерцем. Оба автора тоже находились в Москве в 1671 г. и, таким образом, вполне могли быть очевидцами казни. Однако, поскольку их книги были написаны спустя несколько лет после событий, не представляется возможным с абсолютной точностью сказать, основаны ли их описания на личных наблюдениях или заимствованы у других авторов. Кроме того, в том же 1671 г. вышла еще одна анонимная брошюра (на немецком языке), рассказывающая о смерти Разина, — “Umständiger Bericht Von deß großen Rebellen wider Moßkau Stephan Razins Hinrichtung. . .” (“Подробное донесение о казни великого мятежника против Москвы Степана Разина”). Об этой малоизвестной брошюре мы напишем подробнее ниже (см. раздел V, особенно прим. № 63).

До сих пор иногда в исследовательской литературе и публицистике встречается утверждения, согласно которым Разина казнили на Болотной площади, хотя еще в 1932 г. М. Н. Сменцовский привел убедительные доводы в пользу Красной площади [Сменцовский 1932]¹³.

¹⁰ Цитируемые документы хранятся в городском архиве Амстердама (Stadsarchief Amsterdam, Notariële akten). Они доступны онлайн в базе данных, созданной Р. де Буком (De Buck: Amsterdamse notariële akten over de Archangelvaart 1594–1724 (<http://www.historici.nl>); последнее обращение: 07.10.2016), № 1314 (для 1669 г.), № 3627 (для 1676 г.).

¹¹ См. [Гольдберг 1968: 158]: “. . . следует полагать, что протограф был написан по-голландски”.

¹² Письмо Хебдона из Москвы английскому купцу в Риге Ричарду Даниэлю хранится в Национальном архиве в Лондоне (State Papers 91–3, f.202). Оно опубликовано, в частности, в издании [Маньков 1968: 129–131].

¹³ Ср., например, упоминание о казни Разина “на Болоте” в монографии [Анисимов 1999: 535].

Впоследствии М. Я. Попов во многом повторил аргументы Сменцовского [Попов 1961]. Сами иностранцы — очевидцы события привели в своих описаниях довольно точные ориентиры, позволяющие судить о месте казни. Так, Томас Хебдон в своем письме упоминает о “плахе на площади перед крепостью” [Маньков 1968: 130]¹⁴ (в последней опознается Кремль); о крепости или замке пишет и анонимный автор брошюры “Сообщение касательно подробностей мятежа”. Он же указывает, что Разин перед смертью перекрестился на церковь “Пречистой Богородицы Казанской” [ibid.: 114], т. е. Казанский собор. Известны также показания русского очевидца, стряпчего Акинфия Горяинова: “А на Красной площади изготовлены ямы и колы вострены” [Сменцовский 1932: 129]. На Болотную площадь — точнее, просто за реку на “Болото” — были перенесены лишь отрубленные и выставленные на кольях части тела Разина (руки, ноги и голова), где их еще пять лет спустя, в 1676 г., видели голландский посол Кунраад ван Кленк и его секретарь Бальтазар Койэтт [1900: 446]. Оставшееся туловище бунтовщика было, согласно сообщениям очевидцев, брошено на корм собакам.

Нужно отметить, что в источниках казнь Разина обычно описывалась вместе с процессом его доставки в Москву за четыре дня до исполнения смертного приговора, то есть свидетели объединили эти два публичных события. При этом все авторы в общих чертах сходились в своих описаниях: упоминается ввоз Разина в столицу на влекомой лошадыми телеге, прикованного или привязанного за руки и шею к установленной на этой телеге виселице/перекладине; при этом младший брат Степана, Фрол Разин, шел за телегой, также прикованный к ней. Данный эпизод упоминают Раутенфельс, Койэтт, Мерц, Хебдон, автор “Сообщения касательно подробностей мятежа”, немецкая брошюра “Umständiger Bericht”, а также ряд “ярмарочных известий”¹⁵ и хроник типа “Theatrum Europaeum” или “Hollandse Mercurius”. Более того, до нас дошло изображение доставки плененного Разина в Москву (илл. 1). Эта гравюра хорошо известна, во многом благодаря тому, что в ее правом верхнем углу немного отдельно помещен плечевой портрет самого Степана Разина. Гравюра неоднократно воспроизводилась в качестве

¹⁴ Здесь и далее, цитируя документы, уже ранее опубликованные на русском, мы используем переводы наших предшественников (и ссылаемся на их издания); переводы же документов, впервые вводимых в научный оборот на русском языке, выполнены авторами статьи.

¹⁵ Под ярмарочными известиями (нем. “Messrelationen”) мы понимаем исторические ретроспективные обзоры, издававшиеся раз или два в год и захватывающие период от одной ярмарки до следующей. Об этой разновидности периодических изданий см. новейшую фундаментальную монографию [KÖRBER 2016]. Ярмарочные известия следует отличать от газет, выходивших в интересующий нас период как минимум еженедельно.

Илл. 1. Ввоз пленных Степана и Фрола Разиных в Москву. Английская гравюра на меди. Лондон, 1672. © RB 63351, The Huntington Library and Art Gallery, San Marino, California.

иллюстрации в книгах, посвященных истории разинского восстания [МАНЬКОВ 1968: 94; СМЕНЦОВСКИЙ 1932: 136; СОЛОВЬЕВ 1991: 127; ШВЕЦОВА 1962: 5]¹⁶. Ее оригинал был напечатан в Лондоне в 1672 г. вместе с уже упомянутой английской брошюрой “Сообщение касательно подробностей мятежа”, два экземпляра которой хранятся сегодня в Британской библиотеке в Лондоне¹⁷. Гравюра при одном из этих экземпляров¹⁸ представляет собой лист большого формата, размером 295x184 мм, сложенный втрое, чтобы уместить его в одном переплете с брошюрой в четвертую долю листа (180x130 мм). Очевидно, гравюра являлась вкладкой-иллюстрацией к брошюре, а не вклейкой в составе самой брошюры, и, как любая вкладка, она могла обрести историю распространения и бытования отдельно от брошюры¹⁹.

¹⁶ Кроме того, в книге [МАНЬКОВ 1975] данный портрет изображен на обложке (впрочем, без указания на источник).

¹⁷ Еще один, третий известный нам экземпляр, принадлежит Библиотеке им. Хантингтона в Сан-Марино, США, фотографией с которого мы пользуемся в илл. 1, с благодарностью за разрешение к публикации.

¹⁸ Шифр хранения: *b.32.g.42*.

¹⁹ Так, второй экземпляр брошюры в Британской библиотеке помещен в составе конволюта с памфлетами различного содержания (шифр: *C.194.a.635(16)*), причем гравюра здесь расположена не перед “Сообщением касательно подробностей мятежа”, а перед *иной* брошюрой — “A Narrative Of the greatest Victory Known in the

Илл. 2. Привоз в Москву на телеге братьев Разиных. Ян Лёйкен (Jan Luyken). Офорт. Из книги: Gottfried, Johann Ludwig, *Omstandigh vervolgh op Joh. Lodew. Gottfrieds Historische kronyck, of algemeene historische gedenk-boeken der voornaemste uytgeleesenste wereldlycke en kercklycke geschiedenissen. . .*, dl. II, Leiden, 1700. © Rijksmuseum, Amsterdam.

Описание ввоза закованного главы бунтовщиков на телеге в Москву оказалось настолько ярким и запоминающимся, что данная сцена выбиралась в качестве сюжета для иллюстраций в Западной Европе и далее. Так, именно она воспроизводилась в обзорных исторических работах, изданных на рубеже XVII–XVIII вв. и вкратце касающихся восстания

memory of man” (“Повествование о величайшей на памяти человечества победе”; см. [Маньков 1975: 5–14]), основанной на письме английского фактора (т. е. коммерческого представителя) из Москвы его хозяину от 15 февраля 1671 г. и повествующей о разгроме армии Разина князем Барятинским, но, естественно, не о пленении или казни Разина. Т. е. коллекционер-компилятор (или же сотрудник библиотеки) решил собрать вместе три печатных издания о Разине — две брошюры и гравюру. Он собрал их не по хронологическому принципу (тогда на первом месте должен был бы стоять памфлет 1671 г., напечатанный, очевидно, еще до казни Разина), а отдал первое место гравюре. Из этого обстоятельства следует недвусмысленно, что гравюра не была скреплена с “Сообщением”. Ни в коем случае не прав А. Г. Маньков, указавший в подписи под копией гравюры, что она “из кн. «Сообщение», изд. 1672 г.” [Маньков 1968: 94]. Представляется, что советский историк не был знаком ни с одним из по меньшей мере трех сохранившихся экземпляров гравюры, видел только факсимильные изображения и не знал, какого она формата.

Илл. 3. Пленный Разин на телеге. Гравюра на меди. Из книги: Imhof, Andreas Lazarus von, Neu-eröffneter Historischer Bilder-Saal, Das ist: Kurtze, deutliche und unpassionirte Beschreibung Der Historiae Universalis. . . , Bd. 5. Nürnberg, 1701. © Bayerische Staatsbibliothek, München.

Разина, — в голландском издании “Исторической хроники” Иоганна Людвиг Готфрида [GOTTFRIED 1700: 667–668] (илл. 2) и в книге Андреаса Лазаруса фон Имхофа [IMHOF 1701: 209] (илл. 3). В обоих случаях художники изобразили Степана в момент его наибольшего унижения.

Закономерно возникает вопрос: что именно послужило основой для изображения плененного Разина? В исследовательской литературе специально эта проблема не поднималась; высказывалось лишь на первый взгляд резонное предположение, что английская гравюра была сделана исходя из словесного описания или на основе воспоминаний очевидца событий [СМЕНЦОВСКИЙ 1932: 136; СОЛОВЬЕВ 1991: 53]. Между тем в самой брошюре “Сообщение касательно подробностей мятежа” описание ввоза захваченного Разина в Москву является далеко не самым подробным. К примеру, в ней ничего не сказано о цепях на ногах Стеньки, которые видны на гравюре; не упомянуто количество запряженных в повозку с виселицей лошадей, в то время как на гравюре их изображено три. Примечательно, что о трех лошадях упоминает в своем письме Томас Хебдон: “Помост везли три лошади” [МАНЬКОВ 1968: 130]. Однако

Хебдон в свою очередь пропускает другие мелкие детали, присутствующие на английской гравюре, как, например, поперечную балку, на которую Разин мог опереться, и наоборот, он упоминает цепь на поясе у Стеньки, которой нет на гравюре. Конечно же, и сам факт использования гравером неопубликованного письма частного лица кажется сомнительным. Все это заставляет предположить, что существовал иной источник, повлиявший на изображение, — не словесный, а изобразительный.

II. Шведский купец в Москве Кристоф Кох

Чтобы ответить на вопрос относительно возможного изобразительного источника о ввозе Разиных в Москву, повлиявшего, в частности, на английскую гравюру, следует обратиться к донесениям, хранящимся в шведском Государственном архиве в Стокгольме. В XVII в. шведские купцы и торговые представители, постоянно жившие в России, более или менее регулярно отправляли письма с новостями своим властям, докладывая обо всем выведенном в российских городах. Потрясения и бунты, коими было богато “бунташное” столетие, безусловно, не могли остаться незамеченными шведскими агентами. Хорошо известны донесения Карла Поммереннинга королеве Кристине о московском соляном бунте в 1648 г.²⁰ В первой половине 1650-х годов шведским резидентом и торговым представителем в российской столице был Иоганн де Родес²¹. Именно под его протекцией в Москву в 1655 г. в возрасте восемнадцати лет приехал его шурин Кристоф Кох — родившийся в Ревеле немецкоязычный подданный шведской короны²². В первую очередь Кох занимался торговыми делами, однако вторым источником его доходов была отправка регулярных донесений шведским властям. Свои донесения, в данный период всегда анонимные²³ и написанные без исключения на немецком языке, Кох отправлял не напрямую в Стокгольм, а в Нарву, генерал-губернатору шведской Ингерманландии Симону Грундель-Хельмфельту, в январе 1671 г. назначившему Коха “своим корреспондентом” в Москве; ингерманландский губернатор уже вместе со

²⁰ См. донесения от 9 июля и 9 августа 1648 г., опубликованные в русском переводе в работе [Якубов 1897: 417–425].

²¹ О донесениях де Родеса из Москвы см. [Курц 1912, Идем 1914; RAUCH 1952; WELKE 1976: 255–264].

²² Подробнее о биографии Коха см. [DROSTE, MAIER 2018].

²³ Хотя донесения этого периода из Москвы никогда не подписаны, у нас есть веские аргументы в пользу того, что их автором был Кох: во-первых, в это время Кох был чуть ли не единственным поставщиком информации из Москвы, а во-вторых, его авторство можно установить на основе характерных для него языковых черт. В более поздний период Кох подписывал свои донесения; см., например, его письма 1687–1688 гг., опубликованные в русском переводе в [Висковатов 1878].

своими письмами пересылал копии донесений Коха далее, в частности, в столицу, королю Карлу XI²⁴. Небезынтересно, как С. Грундель-Хельмфельт охарактеризовал Кристофа Коха в своем письме королю из Нарвы от 13 октября 1670 г.:

. . . А этот Кох — это тот же человек, который добыл для комиссаров В. к. величества при [реке] Плюссе²⁵ выдержки из инструкций для русской комиссии, а также много раз докладывал о таких делах, которые обычные слуги В. к. величества не были бы в состоянии выведать, что было явным недостатком. Впрочем, он родился в Ревеле, но воспитывался большей частью в России у своего шурина де Родеса²⁶; с тех пор он там и живет. Его весьма уважают при царском дворе, и он имеет свободный доступ как в дома господ, так и в приказы, так что он безо всякого подозрения может вникать в разные дела и о том докладывать, ведь он может там бывать, как будто занимаясь своими частными вопросами и без какого-либо официального статуса [*Livonica II*, 179]²⁷.

Иногда Кох не только докладывал о своих наблюдениях, но и пересылал официальные российские документы (например, мирные договоры). Исходя из сохранившегося объема корреспонденции, можно заключить, что Кох писал в Нарву раз в неделю; примерно с той же частотой Хельмфельт отправлял донесения Коха из Ингерманландии в Стокгольм. При этом губернатор преимущественно ограничивался короткими сообщениями, ссылаясь на более пространный текст приложений — донесений из Москвы (от Коха), а также (хотя и реже) — от информаторов в Пскове и Новгороде. Сегодня донесения Коха за интересующий нас период находятся в двух единицах хранения шведского Государственного архива в Стокгольме²⁸.

²⁴ Официально письма Хельмфельта адресованы королю Карлу XI, который, однако, был объявлен совершеннолетним и начал самостоятельное правление только в 1672 г. До этого политикой Швеции управлял регентский совет.

²⁵ Имеются в виду русско-шведские переговоры 1666 г., закончившиеся принятием Плюсского дополнительного договора к Кардисскому миру 1661 г. Из этих слов Хельмфельта выходит, что Кох — которого в 1678 г. российские власти обвинили в шпионаже (см. [Шамин 2011: 164–166]) — по крайней мере в 1666 г. действительно занимался разведкой.

²⁶ Тут Хельмфельт слегка преувеличивает: сам де Родес жил в Москве с 1651 г. до своей смерти 31 декабря 1655 г.; Кох впервые приехал в Москву с де Родесом в 1655 г. (см. [Дженсен, Майер 2016: 100]).

²⁷ Отсутствует нумерация листов

²⁸ [*Livonica II*, 180] (письма Хельмфельта шведскому королю с приложениями за 1671–1673 гг., без нумерации листов); [*Bengt Horn samling*, E4304] (письма Хельмфельта Бенгту Горну, губернатору Эстонии в Ревеле с 1656 г., с приложениями, без нумерации листов). Иногда две единицы хранения дополняют друг друга, а в других случаях разные копии одного и того же донесения Коха сохранились в обеих единицах хранения.

Впервые Хельмфельт упоминает восстание Разина в письме Карлу XI от 14 июля 1670 г. и прилагает к собственному письму копии донесений, полученных из Новгорода и Москвы (причем автором последнего, возможно, был не Кох)²⁹. За следующий 1671 г. сохранилось большое количество донесений о Разине, присланных в Нарву Кристофом Кохом (и затем переправленных в Стокгольм [*Livonica II*, 180]³⁰). В рамках темы настоящей статьи наибольший интерес представляют сообщения о поимке и казни главаря восставших. Так, в письме, отосланном из Нарвы 15 марта 1671 г., Хельмфельт докладывал, что “новости, согласно которым Разин был доставлен в цепях в Москву, не подтвердились”. Как известно также из других источников, московское правительство начало распространять слухи о пленении Стеньки заблаговременно, либо намеренно выдавая желаемое за действительное, либо будучи само дезинформировано противоречивыми донесениями с юга. Известно, что еще 4 января атаман Войска Донского Корнила Яковлев докладывал о попытке захватить Разина, впрочем, неудачной [Швецова 1959: 94–95], а в письме от 5 марта белгородский воевода Григорий Ромодановский даже рапортовал о пленении братьев Разиных казаками Яковлева [ЕАДЕМ 1962: 29]. Ложность данного известия, однако, вскоре стала очевидной, и на протяжении следующего месяца из Москвы неоднократно высылались новые инструкции о военных мерах против Стеньки. В донесении от 28 февраля Кох красноречиво сообщает об этой намеренной дезинформации: “В течение нескольких дней шла речь о том, будто Стенька Разин пойман и его везут сюда, но эта весть теперь не подтверждается. Оказалось, что те известия были вымышлены, чтобы создать хорошее настроение у царя. . .” [*Bengt Horn samling*, E4304]³¹. 4 апреля Кох извещает губернатора в Нарве, что, согласно слухам, Разин находился в Саратове с крупными силами и даже вел переговоры с турками о передаче им Астрахани (это донесение было переслано Хельмфельтом в Стокгольм 19 апреля, а в Ревель губернатору Бенгту Горну — 21 апреля [*Bengt Horn samling*, E4304]). В своем следующем донесении от 11 апреля, переправленном Хельмфельтом королю 8 мая, Кох сообщает: “Рассказывают, будто бунтовщик объединил свои силы с калмыками, башкирами и запорожскими казаками и движется с крупной силой на Симбирск.

²⁹ На мысль о том, что данное “московское донесение” могло быть написано кем-то другим, нас наводит письмо Хельмфельта от 13 октября 1670 г., в котором генеральный губернатор сообщает, что Кох “приехал сюда”, т. е. в Нарву, из Москвы, так что не исключено, что Коха не было в Москве уже в июле: “. . . Christopher Kock, ähr derifrån hytkommen. . .”; см.: [*Livonica II*, 179] (без нумерации листов).

³⁰ Все последующие упомянутые в тексте донесения Коха также относятся к данной единице хранения, если не приводится другая ссылка.

³¹ Среди приложений к письмам Хельмфельта королю данное донесение отсутствует.

Барятинский [Borotinskoi] был отправлен туда с подкреплениями, а Петр Васильевич Шереметев [Peter Wasilowitz Scheremetoff] получил приказ отправиться с армией на Дон”.

О состоявшемся 14 апреля пленении Степана Разина Кох написал в письме от 9 мая³². Он сообщил, что в Москву

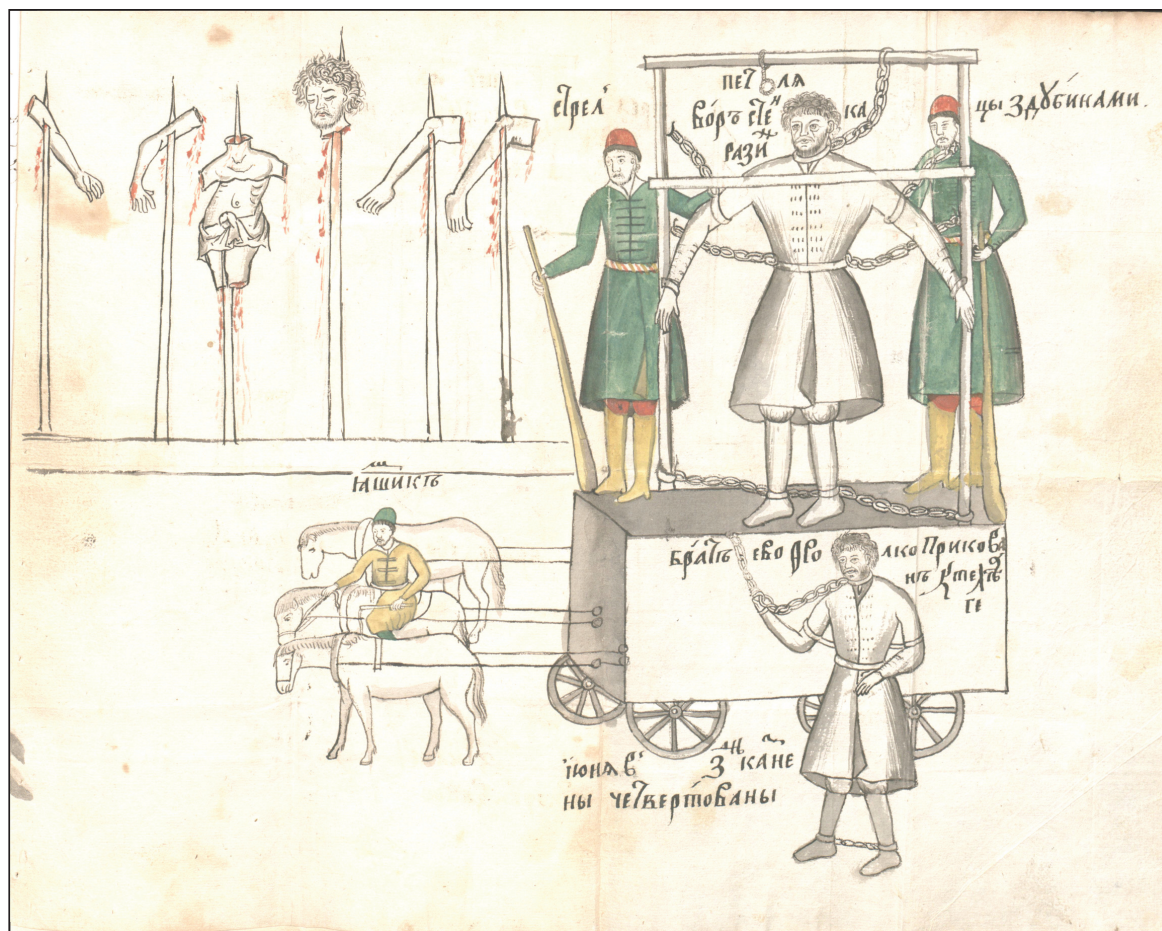
в прошлый четверг приехал гонец от донских казаков с новостью, что бунтовщик Разин пойман донским атаманом по имени Корнила Яковлев [Corneli Jacoblef] и сейчас его привезут сюда как можно скорее. На следующий день, в пятницу, эта новость была подтверждена еще и двумя почтами и оглашена как среди самых знатных людей, так и среди простого народа. А повторится ли еще раз то, что случилось недавно, покажет время. . .³³

Если учесть, что большинство своих писем шведский купец писал во вторник, то четверг, в который казачий гонец привез радостную для московского правительства весть, должен соответствовать 4 мая. Известно, что уже 5 мая из Москвы в Курск к воеводе Григорию Ромодановскому был послан стольник с похвалой за сообщение о пленении Разина [ШВЕЦОВА 1962: 60]. Как видно из донесения Коха, шведский агент узнал о поимке крайне быстро. О скорости, с которой до него доходили важные новости, красноречиво свидетельствует постскриптум в том же письме от 9 мая: “Говорят, что полчаса назад пришла еще одна почта с сообщением о том, что Разина везут сюда”.

В своем следующем донесении (от 16 мая) Кох сообщает, что о поимке бунтовщика Корнилой Яковлевым не только объявили несколько почт, но информацию также подтвердили 14 донских казаков, специально прибывших с этим сообщением в Москву. В следующем письме (от 23 мая) он вновь подтвердил факт пленения, упомянув, что навстречу казакам, везшим Разина в Москву, для обеспечения безопасности был выслан отряд солдат. Наконец, в письме от 30 мая Кох сообщил, что ввоз братьев Разиных в Москву ожидается “в грядущую пятницу”. Следующая пятница после вторника 30 мая приходилась на 2 июня — именно в этот день, как хорошо известно по другим источникам, Степана и Фрола доставили в Москву.

³² Данное письмо отсутствует в [RAS, *Livonica II*, vol. 180], однако сохранилось среди писем Хельмфельта Бенгту Горну [RAS, *Bengt Horn samling*, E 4304]. Вероятно, оно дошло до Хельмфельта со значительным опозданием и поэтому никогда и не было переслано напрямую в Стокгольм, а только в Ревель. В Стокгольм Хельмфельт 1 июня 1671 г. мог отправить уже более свежую, более подробную информацию о Разине. Во всяком случае, Хельмфельт в своем собственном письме шведскому королю от того же дня просит извинения за свое длинное молчание, мотивируя его тем, что несколько почт подряд “из соседней России” либо вообще не приносили никаких писем, либо в них не было важных сведений.

³³ Несомненно, Кох имеет в виду, что недавно тоже распространялась информация, будто Разин пойман, но она вскоре оказалась неверной.

Илл. 4. Пойманные Степан и Фрол Разины. Карандаш и акварель. 40×31 см. 1671 г. Шведский Государственный архив, Стокгольм. Фотография Ингрид Майер.

III. Рисунок из шведского архива

Наибольший интерес, однако, представляют донесения Коха от 6 и 13 июня, переправленные Хельмфельтом в Стокгольм 30 числа того же месяца (в этот раз из Ниена, а не как обычно — из Нарвы). В своем письме губернатор коротко сообщает, что Степан Разин был казнен, а информация обо всех подробностях содержится в приложенных донесениях (т. е. письмах Коха) и некоем “рисунке”. Обратимся сначала к рассмотрению именно этого рисунка (илл. 4).

Рисунок подшит в архиве к письму Хельмфельта вместе с двумя донесениями Коха, и можно наверняка утверждать, что он был отправлен из Москвы вместе с одним из них. В правой части рисунка изображены плененные Степан и Фрол Разины. “Воръ Стенка Разин” (как гласит одна из подписей) стоит на повозке, прикованный цепями к установленной там же виселице: за шею к верхней поперечной перекладине, за

руки, ноги и поясицу — к столбам виселицы. На запястьях Стеньки видны оковы, также прикованные к столбам. На перекладине над головой бунтовщика изображена петля, по бокам от него стоят стражники — “стрельцы з дубинами”. “Братъ ево Фролко” идет сбоку от телеги, прикованный к ней за шею цепью. Телега запряжена тройкой лошадей, на средней из которых сидит “ямщикъ”. Слева изображены последствия казни — насаженные на колья части тела Разина. Рисунок частично раскрашен, причем обращает на себя внимание, что “преступники” не были удостоены краски, в отличие от “честных людей” — стрельцов и ямщика.

Где и кем был сделан этот рисунок? Вне всякого сомнения можно утверждать, что он был изготовлен русским художником в Москве. В пользу этого говорит и использование кириллицы для подписей, и манера исполнения — по всей видимости, автор не был знаком с прямой перспективой, характерной для западноевропейского искусства. В изображении персонажей неверно переданы пропорции, кроме того, все действующие лица показаны анфас; нереалистично изображена сама телега. В целом рисунок близок по стилю древнерусской книжной миниатюре или лубку. Скорее всего, изображение было изготовлено в Посольском приказе или Приказе тайных дел в качестве наглядного “доказательства” того, что опасный преступник Стенька Разин был наконец настигнут правосудием. Представляется, что целевой группой, для которой создавался данный рисунок (или подобные ему), были влиятельные иностранцы в Москве — такие как Кох: ведь для царя и его окружения было крайне важно, чтобы иностранные купцы продолжали торговать с Россией; приезжать в страну, охваченную мятежом, многие отказывались³⁴. При этом человеком, передавшим рисунок в распоряжение Коха, мог быть глава Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев, с которым швед поддерживал тесные отношения. Год спустя, в 1672 г., Кох часто упоминал в своих донесениях о том, что Матвеев неоднократно приглашал его в свой дом отобедать. Уже 21 марта 1671 г., т. е. до казни Разина, в донесении для шведских властей Кох весьма лестно отзывался о Матвееве:

Он умен, умеет быстро принимать решения и помогает как богатым, так и бедным добиться правосудия [. . .] Вчера я видел, как он в течение пяти часов вынес решения по более чем тридцати делам. Я еще ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Наверняка он поднимется здесь весьма высоко³⁵.

³⁴ Менее вероятным представляется, что рисунок был сделан для русскоязычной публики, — подписи типа “стрельцы с дубинами” и “ямщик” скорее рассчитаны на иностранцев, которым данные понятия могли быть незнакомы.

³⁵ Донесение Коха от 21 марта в архиве сохранилось также в собрании Бенгта Горна [*Bengt Horn samling, E4304*]. Наши транскрипция и перевод сделаны с экземпляра в собрании *Livonica*.

Для кого бы ни был первоначально изготовлен рисунок плененного и казненного Разина, мы можем с уверенностью утверждать, что существовало сразу несколько его копий, попавших в Западную Европу. Действительно, одна копия была переслана Кохом и попала в Стокгольм, где сегодня находится в Государственном архиве. Еще одна, по всей видимости, попала в Англию, где послужила прототипом для известной гравюры, упомянутой в начале статьи. Можно полагать, что все варианты этого рисунка (а значит, и тот, что оказался в Англии) выглядели примерно одинаково. Конечно, между рисунком из стокгольмского архива и английской гравюрой есть некоторые расхождения. Так, ящик-возница на гравюре не сидит на лошади, а стоит рядом с ней; стрельцы держат в руках бердыши, а не дубины; отсутствует изображение отрубленных частей тела Разина, зато в углу помещен его портрет. И все же совпадения явно преобладают, что никак нельзя признать простой случайностью. Даже некоторые из русских подписей в переводе фигурируют на гравюре (“RAZIN the Rebell”; “his Brother”). Английская гравюра представляет собой зеркальное отражение рисунка, что является закономерным результатом процесса печати с медной доски, копировавшей изображение из Посольского приказа. Затруднительно сказать, как именно рисунок-прототип попал из Москвы в Англию, — вместе с копией текста “Сообщения” или отдельно. Нельзя исключать, что его мог переслать в Англию кто-то из находившихся в российской столице англичан — например, Томас Хебдон, который, как известно, присутствовал при доставке Разина в Москву и вполне мог выступить в качестве распространителя столь важной информации. Наконец, имеются данные, что еще один экземпляр рисунка оказался в Гамбурге: в одном из выпусков гамбургской газеты “Nordischer Mercurius” (“Северный Меркурий”) за август 1671 г. помещена короткая заметка: “С Нижней Эльбы от 1 августа. О том, как бунтовщик Разин был казнен, имеется рисунок из Москвы, сделанный от руки, а на нем описание греческими буквами. Руки и ноги, а также голова и туловище насажены на колья, внутренности же брошены собакам” [с. 474]³⁶. Вряд ли приходится сомневаться, что под “рисунком из Москвы” имеется в виду изображение, схожее с тем, что было вручено Кристофу Коху. Автор данной заметки, возможно, впервые в жизни столкнувшись с кириллическим письмом, очевидно, не располагал для этих букв специальным термином и назвал их “греческими”. Описание же и количество насаженных на колья частей тела полностью совпадает с известным нам изображением из стокгольмского

³⁶ Мы пользовались экземпляром, хранящимся в Королевской библиотеке Копенгагена (шифр 147,15). Заметим, что процитированного сообщения из “Северного Меркурия” нет в издании [Маньков 1975: 92–98].

архива — и в то же время отличается от рассказов очевидцев, согласно которым не шесть, а только пять частей тела было выставлено на кольях. Поскольку в газете в качестве места, из которого была получена новость, указана Нижняя Эльба (т. е. Гамбург и окрестности), а не Москва, следует заключить, что автор заметки (скорее всего, сам Георг Грефлингер, издатель “Северного Меркурия”) собственными глазами видел такой рисунок. Таким образом, в итоге обнаруживаются прямые или косвенные доказательства, что по крайней мере три иностранца получили в свое распоряжение графическое подтверждение казни Разина, и вряд ли стоит сомневаться, что подобные рисунки были вручены еще кому-нибудь из иностранцев в Москве. Очевидно, московские власти специально стремились распространить по Европе информацию о казни опасного бунтовщика.

Весьма любопытно, что рисунок из стокгольмского архива содержит несколько существенных фактических ошибок. Во-первых, в качестве даты казни указано “июня в 3 день”, т. е. 7-ое число, тогда как хорошо известно, что казнь состоялась 6 июня. Интересно, что о неопределенности с датой казни упоминал в своем письме Ричарду Даниэлю Томас Хебдон: “В тот же день [т. е. 2 июня] его присудили к казни, которую назначили на следующий день, и для того были сделаны должные приготовления, но после долгого ожидания казнь была перенесена на вторник” [МАНЬКОВ 1968: 130]³⁷. Далее, подпись на рисунке сообщает о смерти *обоих братьев* (“казнены четвертованы”, множественное число), в то время как известно, что казнь Фрола была отложена и состоялась только спустя пять лет [БУГАНОВ 1994: 40; МАНЬКОВ 1975: 79, прим. 43; КОЛЛМАНН 2012: 385]. Наконец, рисунок изображает не только руки, ноги и голову Разина, воткнутые на колья, но и его торс, хотя все очевидцы казни единодушны в том, что туловище бунтовщика было брошено собакам и осталось на земле, так что кольев оказалось в итоге пять. Такие “ошибки” в рисунке позволяют сделать вывод, что он был изготовлен еще до казни, а не после нее: ведь Фрол выкликнул “слово государево” в последний момент, и никто не мог предвидеть, что его казнь не состоится.

IV. Новые документы о поимке и казни Разина

Как уже упоминалось выше, Кристоф Кох прислал С. Грундель-Хельмфельту два пространных донесения (одно из которых содержало цветной рисунок), написанных 6 и 13 июня 1671 г. и посвященных поимке и казни Степана Разина. Оба письма заслуживают пристального

³⁷ Об изменении первоначальных планов властей знал и Кристоф Кох (см. ниже).

внимания, поэтому кажется целесообразным привести здесь их полный перевод³⁸.

Суммарное донесение из Москвы от 6 июня 1671 г.

Пока нет других известий, кроме того, что бунтовщик Разин [Raisin³⁹] и его брат Фрол [Frool] были с позором доставлены на жалкой триумфальной⁴⁰ повозке в Москву через Тверские ворота в прошлую пятницу, 2-го числа, в первой половине дня. Потом их заключили на Земском дворе⁴¹, расположенном у красной стены. У той повозки было четыре высоких колеса и плоская верхушка, покрытая со всех сторон лубом, иначе липовой корой⁴², так что колес было почти не видно. В центре повозки была установлена виселица высотой чуть больше человеческого роста, к которой железными цепями был прикован бедный герой Разин, — он словно висел на них [цепях], как муха в паутине: во-первых, его голова была прикреплена цепью к верхней перекладине виселицы; руки ниже плеч также были прикованы цепями к столбам виселицы, а запястья были прикованы с помощью наручных кандалов к нижним частям столбов. Еще одна цепь перехватывала туловище поперек, с обеих сторон, и, наконец, оба колена также были прикреплены цепями к столбам. Перед его грудью была укреплена деревянная поперечная балка, на которую он время от времени мог опираться. Именно в таком виде — стоя на этой триумфальной повозке, прикрепленный вышеописанным образом к виселице — он был ввезен в город. Его брат был прикован длинной цепью за шею к повозке с левой стороны. Его ноги также были связаны, так что ему пришлось более трех верст идти через весь город, подпрыгивая рядом с повозкой. Повозку тянули три жалкие клячи, запряженные тройкой. На них сидели трое невзрачных юношей в рваной одежде, которые должны были вести повозку очень осторожно. На этой повозке по всем четырем ее углам

³⁸ Всю свою корреспонденцию Кох вел исключительно на немецком языке, причем в его письмах нередко встречаются элементы нижненемецкого диалекта. Перевод на русский язык выполнен с транскрипции, сделанной в стокгольмском архиве с оригинала. Авторы сердечно благодарят Хайко Дросте (Стокгольм) за его бесценную помощь.

³⁹ Личные имена в оригинале почти всегда слегка искажены, поэтому мы добавляем написания оригинала в квадратных скобках.

⁴⁰ Скорее всего, Кох называет повозку “триумфальной” с иронией, точно так же, как и Разина он чуть ниже называет “бедным героем”. Сравните с другим описанием предположительного очевидца: “Этого изменника ввезли в город прикованным цепями к виселице, на возвышении, точно в триумфальной колеснице, так, чтобы все его видели” [Рейтенфельс 1997: 328].

⁴¹ Земский двор, расположенный у красной стены, — это, по всей видимости, здание Земского приказа на Красной площади.

⁴² В оригинале “runt herumb mit luben, oder Linnenbarck beschlagen”. Вероятно, Кох сначала упоминает русское слово “луб”, а затем добавляет немецкое название (“Lindenbarck” — ‘липовая кора’). Очевидно, телега была покрыта рогожами, грубой тканью, которую плели из тонких полосок, сделанных из коры липы (луба или лыка).

сидело по стрелцу, а за ней следовал пешком еще один человек, несший на себе незакрепленные цепи⁴³. Впереди всех ехал верхом командир стрельцов, и одна половина его полка следовала непосредственно за ним; другая же половина расположилась по бокам и позади повозки. За передним отрядом стрельцов, сразу перед повозкой, ехал верхом на коне донской атаман Корней Яковлев [Corney Jасoflof], захвативший бунтовщика при помощи хитрости. Рядом с Корнеем ехали примерно [ungefähr] пятеро его лучших казаков, причем один из них нес казацкое знамя, остальные казаки Корнея числом около 80 следовали чуть позади. Смотреть на Разина, стоящего на своей повозке и ввозимого в город, было довольно потешно. О его внешности можно сказать, что он был довольно высок, имел широкие плечи и светло-каштановые кудрявые густые волосы, примерно наполовину закрывавшие уши; у него была короткая густая борода округлой формы, выражение лица сильное и дерзкое. Ему примерно от 36 до 40 лет от роду. Его брат лицом и волосами довольно на него похож, ему около 26 лет. Посмотреть на Разиных собралось как в городе, так и за его пределами большое количество народа, знатного и самого простого, среди них можно было заметить и много женщин, также как знатных, так и простолюдинок. У Земского двора на большой рыночной площади были расставлены многочисленные приказы стрельцов⁴⁴, а за полчаса до привоза Разина на Земский двор там собрались все бояре и думные дьяки в ожидании бунтовщика. Как только же его доставили на этот двор, его сняли с повозки и вместе с братом повели наверх ко всем боярам, где обоим в течение примерно получаса задавали кое-какие вопросы. Сразу после этой пытки [nach der rein] братьев повели вниз на двор, причем за ними последовали и все бояре. Они сразу же приказали утомленным Разину с братом вытянуть руки над спиной⁴⁵, приказали их бить кнутом, положить на огонь [auff den feur legen], выбрить им на макушке голое место и постепенно лить туда холодную воду. Степана спросили, зовут ли его Степан Разин, что он подтвердил словом “да”, после чего князь Долгорукий [Dulgorucoj] заявил: “Ты, шельма и изменник, так безрассудно выступил против Его Царского Величества и причинил столь большой вред”, на что Разин отвечал, что не он шельма и изменник, а сам князь, из-за которого пролилось так много невинной крестьянской крови [bauerbluth]. И если бы князь был настоящим героем, то вышел бы против него, Разина, сам, а не посылал бы царских людей. В целом бунтовщик никого не щадил в своих обвинениях, говорил мало, но очень дерзко. Говорят, что он также заявил: “Несмотря на то, что Корней теперь и выдал вам меня головой, но он сам и весь Дон были со мной заодно, и я с их общего согласия привлек к себе в войско людей”. В прошедшую

⁴³ Видимо, этот человек нес запасные цепи.

⁴⁴ В оригинале Кох действительно употребляет слово “приказы” (pricassen Strelitzen) в соответствии с обычным для того времени обозначением стрелецкого боевого соединения. Приказы стрельцов были переименованы в полки позднее во время военной реформы 1680–1682 гг.

⁴⁵ В оригинале “. . . die Hände über den rücken außziehen [. . .] laßen”.

субботу⁴⁶ на большой рыночной площади⁴⁷ были расставлены несколько стрелецких приказов и заготовлены для каждого из братьев Разиных по два деревянных бруса⁴⁸ и пять заостренных кольев, чтобы после казни, намеченной на 10 часов, их отрубленные ноги, руки и головы были насажены на эти десять кольев. Для нас же иностранцев, в том числе и для персидского купца, а также для посланников запорожских казаков было выделено специальное место для лучшего обозрения казни. Однако, поскольку обоим братьев было решено перед казнью еще раз подвергнуть пытке, казнь перенесли. Вчера⁴⁹ Разина вместе с братом в присутствии государственных советников пытали в третий раз. Говорят, что Степан получил лишь два удара кнутом и мало говорил. Сегодня же⁵⁰ в 12 часов его вместе с братом привезли на большую рыночную площадь, после чего зачитали список его преступлений и приговор. Канцлер Ларион Иванович⁵¹ [Larrivan Ivanofvitz] сказал: “Кладите Степана и четвертуйте его”, после чего Разин бодро подошел к обоим брусам, помолился и перекрестился, попрощался со стоящими вокруг словом “прости”⁵² и лег на живот. Ему отсекли правую руку по локоть, затем левую ногу по колено, затем левую руку, правую ногу и наконец голову. Эти пять отрубленных частей тела воткнули на пять кольев и водрузили последние в землю. В это же время брат Степана сказал, что ему нужно еще кое-что рассказать, и его сразу отвели обратно на Земский двор и пытали. Говорят, что от этой

⁴⁶ То есть 3 июня.

⁴⁷ Учитывая указания Коха, что Земский двор, куда доставили Разиных, располагался рядом с этой “большой рыночной площадью”, можно заключить, что под данной площадью имеется в виду Красная.

⁴⁸ В оригинале “2. Blöcke” (ср. в письме Хебдона: “block”; в русском переводе Л. Е. Поляковой — “плаха”; см. [Маньков 1968: 129–130]). Описание Коха не дает возможности определить, что из себя представляли эти бруссы, однако из него следует, что для каждого из братьев было заготовлено по два бруса. Возможно, схожую процедуру казни обезглавливанием на одном бревне описал в конце 1680-х гг. проживший в Москве несколько лет иезуит Иржи Давид в своем труде “Современное состояние Великой России, или Московии”:

Из казней применяются отсечение головы, а иногда, по степени злодеяния, еще и рук и ног, повешение, сожжение, закапывание в землю. Голову отсекают не мечом, а топором, таким образом: когда осужденный прибывает к месту казни, ему бросают какое-нибудь бревно из ближайшего забора или изгороди, осужденный выслушивает приговор, который ему зачитывают, трижды осеняет себя крестным знамением, если он русский, и, повернувшись к зрителям, говорит: “простите меня” — и тут же ложится на землю, скрестив несвязанные руки на спине, голову кладет на бревно, и один из палачей ее отрубает, одним ли ударом или несколькими [Давид 1968: 96].

⁴⁹ То есть 5 июня.

⁵⁰ То есть 6 июня.

⁵¹ Имеется в виду думный дьяк Илларион (Ларион) Иванович Иванов, возглавлявший в 1671 г. Стрелецкий приказ.

⁵² В оригинале “prestij”; вполне возможно, что переписчик — секретарь губернатора Грунделя-Хельмфельта — неправильно написал незнакомое ему русское слово. О фразе “простите меня” перед казнью см. также цитату из свидетельства Иржи Давида в прим. 48.

пытки он потерял сознание. Но как бы сильно ни пытали до этого Степана, он не проронил ни звука. Его же брат при первой пытке сильно кричал, из-за чего Степан обратился к нему со словами: “Сучий ты сын, что ты орешь? Вспомни, какую честь мы с тобой имели и управляли не только всем Доном, но и всей Волгой”. Этот Степан принял смерть бесстрашно и не позволил упрекнуть себя в малодушии. О чем же собирается рассказать его брат, я попытаюсь разузнать. До оглашения приговора Разину на протяжении получаса был зачитан документ, рассказывающий обо всех его деяниях, от начала его выступления восемь лет назад и до его поимки 14 апреля этого года; этот документ я постараюсь получить и переслать. Руки, ноги и голова Разина все еще нанизаны на те пять кольев; туловище же осталось на земле. Так настал конец бунтовщику. Говорят, что три дня назад сюда приехал гонец от князя Ромодановского [Knees Romadanofskoj] с сообщением, что Астрахань и все города, которые до того были покорены Разиным, вновь перешли под власть Его Царского Величества и просят его о милости. О том, что дальше произойдет в этой связи, услышим позже. От запорожских казаков и гетмана Новогрешного⁵³ [Nova Greschnoj] шесть дней назад сюда приехал посланник. Говорят, что они добиваются заключения договоров, обещанных им привилегий и недоплаченных денег, о чем, возможно, я подробнее напишу в следующем письме. Отправление в Польшу господина Нащокина [Naschokin] было отменено; вместо него, говорят, было решено послать туда Василия Семеновича Волынского [Wasilie Semenofvitz Wolinskoi].

Суммарное донесение из Москвы от 13 июня 1671 г.

Из моего последнего письма, от 6-го числа этого месяца, Вы⁵⁴ узнали в подробностях о том, как бунтовщик Разин был доставлен сюда и наконец казнен. Его же брат, заявив, что собирается рассказать нечто важное, был вновь доставлен на Земский двор. Здесь его сразу подвергли пытке, во время которой, как говорят, он поведал, что ему известно о большом кладе дукатов, серебряных монет и других драгоценностей, который его брат приказал закопать недалеко от Царицына, причем тех, кто это выполнил, он повелел убить, чтобы никто кроме него не знал о спрятанном. Узнав об этом, Его Царское Величество приказал одному польскому фельдшеру вылечить Фрола (ведь никто из немцев не хотел взяться за это дело, поскольку его раны были нанесены палачом), чтобы тот клад не пропал. О допросе спешно казненного Разина во время третьей пытки не известно ничего, кроме того что он все время говорил очень дерзко и указывал боярам на их дурное правление, и как бояре его хулили, так и он отвечал им тем же. Во время наиболее жестокой пытки от него пытались добиться признания, что же стало причиной

⁵³ Так Кох ошибочно называет гетмана Левобережной Украины Демьяна Игнатьевича Многогрешного.

⁵⁴ В оригинале написано “Н.”, то есть “господин” [Herr], в сокращенном виде. Наверное, имеется в виду С. Грундель-Хельмфельт.

его злого умысла и кто ему в том помогал, на что он отвечал, что хотя они и тело его истязают (и в итоге все равно его убьют), язык его им, врагам, ничего не расскажет. Но если его доставят пред светлые очи самого Его Царского Величества, то он и без пытки совершенно свободно поведаст всю правду, в том числе и о причинах своего выступления. Однако большинство бояр посоветовали Его Царскому Величеству на то не соглашаться, указывая, что такой негодяй недостойн видеть светлые очи Его Царского Величества и, может быть, даже задумал нечто опасное, из-за чего лучше всего было бы поспешить с казнью. Таким образом, было решено, как я уже писал, казнить его сразу на следующий день, то есть в субботу, но в итоге это случилось лишь через три дня, то есть во вторник на следующей неделе. О пытке и признании Разина ходят среди простого народа всякие странные слухи, и многие говорят, что не только бояре, но и другие сословия должны были бы присутствовать при этой пытке, так как это дело касалось всей страны и их в том числе. На следующий день после казни пять кольев с головой, руками и ногами Разина были перенесены через Москву-реку на Болото и там заново установлены, под ними же опять было брошено оставшееся туловище. Все это я видел своими глазами три дня назад. А рядом на страже стоят шестеро стрельцов. Атаману Корнею и его казакам было по приказу Его Царского Величества приготовлено угощение в Кремле. В прошлую субботу из Посольского приказа в другие приказы послали за деньгами, за 200 рублями, и те деньги должны быть здесь поровну разделены между донскими казаками, сейчас здесь пребывающими. На Дон также будут отправлены деньги и посланники с извещением о царском помиловании. Многим кажется, что из-за всего случившегося Корней вряд ли ожидает спокойная жизнь на Дону, так как казаки там, в чем не сомневается и сам Корней, считают, что Разин должен был поговорить с самим Его Царским Величеством, а не быть казненным так поспешно. Корней написал Разину, чтобы тот приехал к нему, так как Корней якобы хочет обсудить с ним новые действия против бояр, чему Степан и поверил, во многом из-за того, что Корней был крестным отцом Разина, сам же выбирал Разина атаманом и участвовал в его замысле. После того как Разин приехал с 300 людьми, они с Корнеем выпили, и как только Разин опьянел, его схватили и связали. 300 людей Разина хотели было сопротивляться, но люди Корнея, коих было более 2000, показали им, как говорят, насколько они жестоки⁵⁵. Другие рассказывают, что Разин, получив письменные заверения от Корнея, как рассказывалось выше, засел в одном маленьком городке с 300 людьми и потребовал к себе Корнея. Тот отправился на встречу вместе с двухтысячным войском и, придя к тому городку, был сразу же со всеми своими людьми впущен внутрь Разиным, полагавшим, что Корней сдержит свои обещания. После дружеской встречи и совместной

⁵⁵ В оригинале: "soll ihnen die schärffte von des Cornej seine leuten geweisen sein". По всей видимости, здесь имеется в виду, что люди Корнея (Корнилы Яковлева) перебили или обезоружили разинцев.

попойки Корней связал и увез Разина с собой, как я о том уже рассказал. Эту хитрость Корнею подсказали здешние бояре, сулившие ему за это большие подарки, после чего Корней здесь⁵⁶ в прошедшую зиму обещал это исполнить. Также говорят, что Разин нанял за деньги сорок тысяч калмыков, но как только они узнали, что его схватили и денег они, таким образом, не получают, то уехали обратно. Вчера из Симбирска сюда пришла почта, сообщающая, что Симбирск весь выгорел, причем сгорело много пороха и пушек, что нанесло большой урон. Говорят, город был подожжен изнутри. Та же почта сообщает, будто 250 стругов с восставшими казаками поднялись вверх по Волге до Саратова и разбили два приказа стрельцов, направлявшихся в Бей-лаяре⁵⁷ [Veilajaere] и посланных туда Шереметевым [Scheremetof]. Таким образом, пока что нет никакой уверенности в том, что Астрахань и другие города, бывшие в руках бунтовщиков, перешли на сторону Его Царского Величества (как об этом распространялись слухи несколько дней назад). Вместе с атаманом Корнеем на Дон посылают одного знатного дворянина, который должен будет заставить всех казаков поклясться служить Его Царскому Величеству верно под началом Корнея. Он также должен отвести казакам деньги и всякие вещи. Ожидается, что из Польши сюда в течение четырех недель прибудет посольство. Посланники Новогрешного [Novo Greshnois] еще не отпущены. Поскольку Волга остается все еще небезопасной, торговля здесь придет в еще больший упадок. Считают, что в Архангельск прибыло около десяти кораблей с зерном.

V. Сравнение писем Коха с ранее известными документами

Донесения Коха сообщают много интересных подробностей; некоторые из них не упоминаются в других источниках. Можно не сомневаться, что сам Кох присутствовал как при ввозе братьев Разиных в Москву, так и при казни Степана, поскольку автором оба события описаны в мельчайших подробностях. Кроме того, словесное описание плененного и закованного в цепи Разина отличается в некоторых аспектах от рисунка, следовательно, исключается возможность того, что Кох был знаком лишь с изображением, но не являлся очевидцем. Так, Кох упоминает четырех стрельцов, сидевших на повозке, в то время как на рисунке изображены лишь двое; он пишет о трех юношах-возницах, сидящих на лошадях, рисунок же показывает лишь одного “ямщика”.

Описания шведского купца не только подтверждают информацию, известную из других источников, но и дополняют ее. Так, в своем письме Томас Хебдон упомянул казаков Корнилы Яковлева, сопровождавших

⁵⁶ То есть в Москве.

⁵⁷ Мы не смогли точно идентифицировать этот топоним. Наверное, речь идет об остроге Белый Яр, находившемся недалеко от Симбирска вниз по течению Волги.

телегу с Разиным, однако Кох дает более точное описание порядка следования всей процессии и даже заостряет внимание на “казацком знамени”. Подробнее рассказывает Кох и о переносе даты казни. В его изложении первоначально казнь была запланирована на следующий после привоза Разина день — на субботу (3 июня) — и иностранные зрители в тот день уже собрались в специальном месте “для лучшего обозрения казни”. Однако, поскольку бунтовщиков было решено еще раз пытаться, казнь перенесли, а на какой именно день, тогда еще не стало известно. Последняя, третья по счету, пытка состоялась накануне казни — в понедельник (5 июня). Информация о трех устроенных бунтовщикам допросах косвенно подтверждает известный из других источников слух о стойкости Степана (об этом упоминает и Кох), от которого, по-видимому, в итоге так и не удалось добиться сколько-нибудь важной информации. Кох сообщает некоторые детали допросов; например, приводит в своих донесениях “дерзкие” реплики Разина в адрес бояр и особенно князя Долгорукова, а также его упрек младшему брату в малодушии. Особенно интересно уникальное свидетельство Коха из второго письма о том, что Разин был согласен на разговор с царем *tête-à-tête*, против чего, однако, выступили бояре. Не исключено, что мотивировка их отказа (“и, может быть, даже задумал нечто опасное”) могла быть связана с верой в сверхъестественные колдовские способности предводителя восставших [Маньков 1975: 180, прим. 31; Неклюдов 2014]. Безусловно, Кох не мог сам присутствовать при допросе государственного преступника, а значит, сообщаемые им подробности либо были получены от некоего русского информатора-свидетеля (Артамона Матвеева?), либо почерпнуты из циркулировавших в городе слухов. Очень интересна зафиксированная Кохом информация о том, что “простой народ” желал также присутствовать при допросе Разина, мотивируя это тем, что “это дело касалось всей страны и их в том числе”.

Ряд сведений, сообщаемых Кохом, уникальны. Например, среди привилегированных зрителей казни Разина Кох упоминает не только западноевропейских иностранцев и персидского купца (о чем писалось и в немецкой публицистике; см. ниже), но и посланцев запорожских казаков. Уникален подробный рассказ шведского купца об операции по захвату Разина, причем он приводит даже две версии событий. Как и в случае с допросом, источник данной информации следует видеть либо в персональных контактах Коха, либо в многочисленных слухах (либо в том и другом одновременно). При этом в обеих версиях, пересказанных Кохом, Корнила Яковлев заманивает ничего не подозревающего Разина в ловушку и затем для верности опаивает своего крестника алкоголем. Тем самым Кох подтверждает, что восставшие казаки, во всяком случае,

не рассматривали атамана Войска Донского как своего врага и не ожидали предательства. Согласно Коху, о том, что Яковлев был с бунтовщиками изначально заодно, заявлял на допросе и сам Разин. Наконец, в донесении от 6 июня обращает на себя внимание упоминание зачитанного перед казнью текста приговора Степану с перечнем всех его “вин”. Кох сообщает, что попытается получить данный документ. Хорошо известно, что этот текст приговора был в распоряжении автора “Сообщения касательно подробностей мятежа”, после чего и был переведен на ряд европейских языков [МАНЬКОВ 1968: 88]. Вероятно, московское правительство было совсем не против попадания документа в руки иностранцев и, скорее всего, даже способствовало этому [ГОЛЬДБЕРГ 1968: 159; GOL'DBERG 1970: 222].

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о взаимосвязи донесений Кристофа Коха с текстом наиболее ранних печатных сообщений о поимке и казни Разина. Как было продемонстрировано, Кох являлся чрезвычайно осведомленным очевидцем событий 2–6 июня. Насколько же велика вероятность того, что именно его донесения легли в основу иностранных газетных и памфлетных публикаций о кончине Степана Разина? Само по себе попадание в печать информации из, казалось бы, конфиденциальной корреспонденции, предназначенной для шведских властей, не должно вызывать удивление. Как показало исследование М. Вельке, некоторые пассажи из писем предшественника Коха Иоганна де Родеса шведской королеве Кристине местами дословно попадали в немецкоязычную прессу [WELKE 1976: 255–264]. Более того, газеты XVII в. в первую очередь и наполнялись информацией, собранной в различных европейских городах купцами и дипломатами⁵⁸. Поэтому кажется целесообразным сравнить тексты двух вышеприведенных писем Коха именно с печатными публикациями, вышедшими по “горячим следам” — в течение года после казни Разина. Более поздние публикации, в том числе книги Стрейса и Койэтта, заимствовали информацию уже из вышедших в 1671–1672 гг. газет и памфлетов [МАНЬКОВ 1968: 84–90; ГОЛЬДБЕРГ 1968: 158]⁵⁹; то же самое верно для исторических хроник типа “Theatrum Europaicum”.

Начать сравнение стоит с текста уже неоднократно упоминавшегося анонимного памфлета “Сообщение касательно подробностей мятежа” в

⁵⁸ См., например, новейшую работу [PEACEY 2016]. О возможных источниках информации о Московии в западноевропейских (в частности, немецких) газетах см. [WELKE 1976: 145–154].

⁵⁹ Не совсем ясно, опирался ли Яков Раутенфельс в своем “Сказании о Московии” на информацию из других печатных изданий или же на собственные наблюдения. Раутенфельс уехал из Москвы во второй половине мая 1672 г.; см. [ДЖЕНСЕН, МАЙЕР 2016: 19, прим. 12].

его нидерландской, немецкой и английской версиях⁶⁰. Мог ли его анонимный автор иметь доступ к копии одного из донесений Коха и на основе данной информации построить свой рассказ? На первый взгляд, между письмами и памфлетом действительно обнаруживается ряд параллелей. “Сообщение касательно подробностей мятежа” рассказывает о телеге с виселицей и прикованных цепями руках и шее Разина; упоминается “слабость духом” Фрола и напутственная речь Стеньки; как и в письмах Коха, сообщается о пытке капающей на выбритую голову водой⁶¹; наконец, Разин перед смертью прощается с толпой словом “прости”⁶². И всё же расхождений между двумя документами наблюдается значительно больше. Так, эпизод с макушкой, выбритой для пытки водой, получает в “Сообщении” анекдотическое оформление, совершенно отсутствующее у Коха: “Говорят, когда Стеньку и брата его обрили, Стенька сказал: «Слышал я, будто только людей ученых обривают в священники. Мы с тобой оба неученые, а все же дождались такой чести, и нам обрили макушку»”. Не находит параллели у Коха и сообщение английской брошюры о том, что Стенька во время допроса сетовал на смерть брата, казненного князем Долгоруковым. Хотя в брошюре и упоминается, что атаман Яковлев приходился крестным отцом Разину, о подробностях пленения последнего ничего не говорится. Множество деталей, сообщаемых Кохом (перенос казни, колья для отсеченных частей тела и т. д.), не отражены в памфлете. В целом “Сообщение касательно подробностей мятежа” представляет собой гораздо более сжатый рассказ, наполненный, впрочем, полуфольклорными мотивами (наподобие эпизода с выбритой макушкой или предсказания Разина о въезде в Москву). Эти мотивы были почерпнуты, видимо, из ходивших по стране слухов, а иногда даже являются плодами фантазии автора, чистыми выдумками. Сложно с уверенностью сказать, был ли сам автор “Сообщения касательно подробностей мятежа” очевидцем доставки и казни Разина, однако невозможно напрямую доказать, что он пользовался донесениями Коха как источником информации.

Но может быть, письма шведского купца были использованы в немецкой периодике? Наиболее ранним подробным немецкоязычным сообщением о казни Степана Разина является текст под заглавием “Umständiger Bericht Von deß großen Rebellen wider Moßkau Stephan Razins Hinrichtung; Geschehen in der Stadt Moßkau den 6 Junii st. v.

⁶⁰ Расхождения между английским, немецким и нидерландским текстом памфлета в той его части, где повествуется о пленении, доставке и казни Разина, крайне незначительны; см. [Гольдберг 1968: 160–164].

⁶¹ См. интересное нас место в тексте “Сообщения” в [Маньков 1968: 114].

⁶² В нидерландском варианте “Сообщения” — “простите меня” (“prostite meene”); см. [Гольдберг 1968: 164].

1671” (“Подробное донесение о казни великого мятежника против Москвы Степана Разина, происшедшей в городе Москве 6 июня 1671 г. по старому стилю”). Этот текст дошел до наших дней как в виде газетной публикации, так и в виде самостоятельного памфлета⁶³. Его автор неизвестен, однако очевидно, что им должен был быть кто-то из присутствовавших в Москве немцев⁶⁴, писавших по горячим следам (“через два часа после казни”, как сообщается в самом тексте). Несмотря на столь заманчивое совпадение, сравнение текста “Подробного донесения” с письмами Коха вновь обнаруживает больше расхождений, чем сходства. Хотя немецкий памфлет подробно описывает конструкцию телеги и виселицы, некоторые детали отличаются от описания Коха. Так, брус, прибитый посреди виселицы, поддерживает в памфлете голову Разина (у Коха Разин мог опираться на него грудью), а руки Фрола оказываются прибиты к телеге (в то время как у Коха он был прикован к ней за шею). Вместо упрека Фролу в малодушии во время пытки Разин подбадривает брата во время въезда в Москву: “Ты ведь знаешь, мы затеяли такое, что и при больших успехах мы не могли ожидать лучшего конца” [Маньков 1975: 122]. При описании казни автор памфлета упоминает деталь, отсутствующую у Коха, а именно, что стоящие рядом с эшафотом иностранцы-зрители были забрызганы кровью бунтовщика (впоследствии эта подробность будет неоднократно повторена в ярмарочных известиях и других хрониках). При этом многие другие детали из писем

⁶³ Нам известно три разных издания, содержащих данный текст. Во-первых, он был опубликован в газете “Europäische Montags Zeitung” (“Европейская понедельничная газета”), выходившей в Ганновере, в номере XXX за июль 1671 г. под заглавием — “Moskau den 20. Junij/ styl. nov.” (“из Москвы 20 июня по новому стилю”; более пространное заглавие, “Umständiger Bericht. . .”, здесь отсутствует). Во-вторых, известен самостоятельный памфлет, экземпляр которого хранится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (шифр: *Res4 Crim.140,18*). Наконец, памфлет с тем же содержанием, но дополненный фантастическим портретом Разина, сохранился в Королевской библиотеке в Копенгагене, а именно, внутри тома газеты “Северный Меркурий” за 1671 г. (памфлет в этом комплекте помещен после стр. 436, среди выпусков за август). Немецкий текст и русский перевод были опубликованы в издании [Маньков 1975: 96–97; 121–123], где имеется также факсимильное изображение фантастического портрета Разина [ивд.: 122]. В отличие от А. Г. Манькова, мы считаем, что памфлет не является приложением к “Гамбургской газете” за 1671 год; очевидно, он был добавлен к годовому комплекту газеты “Северный Меркурий” коллекционером-абонентом на основе тематики — ведь эта газета (как и другие гамбургские газеты) регулярно публиковала статьи о Разине. О том, что брошюра не относится к к этому периодическому изданию, свидетельствует тот факт, что в другом полном годовом комплекте “Северного Меркурия” за 1671 г. (их сохранилось всего два), хранящемся в библиотеке им. Дейхмана в Осло (Deichmanske bibliotek), нет подобного приложения, зато коллекционер в другом месте, после стр. 148, добавил иной независимый памфлет, тоже тематически связанный с содержанием газеты.

⁶⁴ Об этом можно сделать вывод из фразы “Его царское величество оказал милость нам, немцам” [Маньков 1975: 122].

Коха, безусловно представляющие интерес для печатной публикации с точки зрения их живописности и сенсационности, совершенно не упоминаются (например, пытки и ответы Разина при допросе; “государево слово” Фрола; захват пьяного Стеньки в плен Корнилой Яковлевым). Все это наводит на мысль, что автором “Подробного донесения” был не Кох, а другой иностранец, не столь осведомленный, но тем не менее бывший свидетелем доставки братьев Разиных в Москву и казни на Красной площади, что и объясняет параллели с наблюдениями Коха.

Примечательно, что информация из “Подробного донесения”, по всей видимости, послужила источником для “ярмарочных известий” из Франкфурта и Лейпцига, а также ряда немецких и нидерландских ежегодных исторических хроник [Маньков 1975: 84]. Такие детали “Подробного донесения”, как забрызганные кровью Разина зрители, сто тысяч собравшегося на площади народа, брошенные собакам внутренности казненного, повторяются в целом ряде других публикаций, причем зачастую в виде дословных заимствований. Впрочем, порой первоначальная информация обростала додуманными подробностями, что можно продемонстрировать на следующем примере. В изданном во Франкфурте-на-Майне в 1671 г. *Relationis historicae semestralis autumnalis continuatio* (“Продолжении исторических известий за осеннее полугодие”) описывается, как у стоящего на повозке Степана Разина “обе руки были прибиты гвоздями к краям повозки, и из них текло много крови” [Ibid.: 126]. При этом в самом “Подробном донесении” сообщается лишь коротко и неопределенно, что руки Разина были “вытянуты и прибиты к краям повозки” (“die Hände waren aussgestreckt und jede an den Seiten des Wagens angenagelt”). Разобраться в том, что прибиты были не сами руки, а железные наручи-скобы, сковывавшие руки, помогают письма Коха. Эти же наручи схематично изображены и на рисунке из стокгольмского архива. Таким образом, описание того, как из рук Разина текла кровь, надо целиком признать выдумкой автора заметки из франкфуртского “Продолжения исторических известий за осеннее полугодие”. Подобным образом в том же издании оказывается домыслена речь Степана Фролу: вместо лаконичного одного предложения из источника, “Подробного донесения”, здесь в уста Стеньки вложена по-барочному витиеватая длинная напутственная реплика.

И все же более поздние публикации о казни Разина обростали не только выдуманными деталями. В лейпцигском “*Continuatio VIII der Zehen-jährigen Historischen Relation*” (“Восьмом продолжении десятилетних исторических известий”) в дополнение к информации, повторяющей сведения из “Подробного донесения”, упоминаются и другие детали пытки Разина: удары кнутом и пытка огнем; допрос, устроенный князем

Долгоруковым; “дерзкие” ответы Степана (“он отвечал очень дерзко”) и даже обещание Фрола показать сокровища брата [Маньков 1975: 129–130]. Все это уже напоминает сведения, переданные в письмах Кристофом Кохом, хотя однозначно признать их источником информации затруднительно. Примечательно, что, согласно тому же источнику, Разин на допросе якобы обвинил некоторых из “господ” в тайной связи с ним самим⁶⁵, в то время как Кох писал, как было упомянуто выше, что Разин имел в виду симпатию к восставшим конкретно со стороны атамана Яковлева. Вполне вероятно, что новости приходили в Европу и от других оставшихся безымянными информантов. Так, 23-й выпуск “*Diarium Europaeum*” (“Европейского дневника”), изданный во Франкфурте-на-Майне в 1672 г., упоминает еще одну отличную от донесений Коха версию захвата Разина в плен, “когда он навещал жену и детей в городе Кагальник”, причем сообщается, что данное известие было получено “21 мая из самой Москвы” [Ibid.: 133]. В том же “Европейском дневнике” упоминается и новая версия реплики Разина перед казнью — он якобы заявил: “Вы думаете, что убиваете Разина, но настоящего вы еще не поймали, и есть еще много Разиных, которые отомстят за мою смерть” [Ibid.: 134]⁶⁶. При этом автор “Дневника” добавил: “Из-за этого жители Пскова не захотели устраивать никакого торжества, так как они не верили, что казни был подвергнут подлинный главарь мятежников” [Ibid.]. Видимо, данная новость пришла в Германию из Пскова — возможно, от находившегося в этом городе шведского купца.

Можно резюмировать, что, по всей видимости, сразу после поимки Разина и особенно после его казни в Москве и других городах циркулировали различные слухи о пленении, допросе и высказываниях бунтовщика. Одновременно могли сосуществовать несколько версий, объяснявших одно и то же событие. Эта молва полуфольклорного свойства доходила, в частности, и до иностранцев, которые затем распространяли полученную информацию далее в Европу. Даже сам Кристоф Кох, несомненно бывший свидетелем казни Разина, опирался в своих донесениях не только на собственные наблюдения, но и на слухи. Именно

⁶⁵ “. . . und zwar sollte er, als die Rede ging, hierbey etliche Grandes beschuldigt haben, daß sie mit ihm correspondiret, welches aber annoch in geheim gehalten würde” [Маньков 1975: 104], т. е. “а именно, якобы во время своей речи он [Разин] обвинил многих господ, что они поддерживали с ним связь, что, впрочем, пока хранится в тайне” (в издании [Ibid.: 129] перевод данного отрывка неточен).

⁶⁶ Интересно, что отчасти схожая формулировка встречается в письме Коха Хельмфельту от 23 мая: “Четыре дня назад сюда из Казани приехал лейтенант, который рассказал, что там захватили в плен нескольких людей Разина. И когда им сообщили, что их отец Стенька теперь пойман и надеяться им больше не на что, они будто заявили в ответ, что даже если Степан и схвачен, то он лишь один из многих и у них найдется еще много таких же, как он”.

поэтому немецкие газеты и памфлеты отразили различные варианты реплик Стеньки перед смертью или во время пыток, опубликовали различные версии поимки Разина. Если даже какая-то информация из донесений Коха опосредованно и попала в печать (например, в лейпцигские “ярмарочные известия”), он был лишь одним из многих возможных информаторов, сообщавших о событиях в Московии.

VI. Выводы

Письма Кристофа Коха из стокгольмского Государственного архива, описывающие пленение, доставку, пытку и казнь Степана Разина, а также приложенный к ним цветной рисунок не только позволяют нам дополнить наши знания о данном событии, но и проливают свет на способы распространения информации в России и Западной Европе в 70-е годы XVII в. С большой долей вероятности можно говорить о том, что московское правительство специально велело изготовить изображение казни знаменитого бунтовщика и было заинтересовано в поступлении такой визуальной пропаганды в страны Западной Европы. Нам удалось проследить судьбу трех подобных рисунков, один из которых лег в основу известной английской гравюры с портретом Разина, напечатанной в Лондоне в 1672 г. Тем самым наконец-то можно сделать вывод, что этот портрет пусть и опосредованно, но все же основан на рисунке очевидца и, по-видимому, в целом является вполне реалистичным.

Пропагандистская кампания московского правительства оказалась весьма успешной: подробные рассказы о казни предводителя масштабного восстания довольно быстро, с июля 1671 г., стали появляться сначала в немецкой и голландской периодике, затем в виде отдельных брошюр на немецком, нидерландском, английском и французском языках и, наконец, попали в литературно-мемуарные издания — книги Стрейса, Койэтта, Раутенфельса, а также в хроники типа “*Theatrum Europaeum*”. Более того, описание необычной процедуры ввоза закованного в цепи Разина на телеге в Москву, подкрепленное изображением на английской гравюре, стало одним из самых запоминающихся событий и оставалось в памяти европейцев даже спустя десятилетия, когда интерес к самому восстанию и фигуре Разина угас. Вероятно, именно традиция, восходящая к английской гравюре и — еще раньше — к московскому рисунку, предопределила подобный выбор.

Изучение самих донесений Коха позволяет ответить на вопрос об источниках информации шведского купца. Во-первых, Кох опирался на собственные наблюдения, во-вторых, использовал официальные документы, полученные от русской стороны, — например, упомянутый рисунок, а также, по-видимому, текст обвинения Разина. В-третьих, пересказ

некоторых подробностей допроса Разина вкупе с рассказом о поимке бунтовщика атаманом Корнилой Яковлевым позволяют заключить, что у Коха, вероятно, был информатор из числа государственных служащих. Наконец, в письмах пересказываются и некоторые городские слухи, сопровождавшие казнь известного преступника.

Что же касается влияния донесений Коха на последующие западноевропейские печатные сообщения о казни Разина, то следов дословных заимствований из сохранившихся в шведском архиве писем шведского купца в других источниках найти не удалось. Ряд памфлетов и периодических изданий упоминают детали, отсутствующие у Коха, или же приводят отличающиеся версии событий и реплик. Все это указывает на то, что сведения в Западную Европу поступали от нескольких информаторов, причем не только из Москвы, но и из Пскова и, возможно, Новгорода, т. е. городов, в которых присутствовали иностранцы. При этом информация передавалась во многом со слухов и потому обрастала полуфольклорными мотивами, которые затем еще и искажались издателями, как было продемонстрировано на примере сообщения о прибитых и кровоточащих руках Степана Разина.

Библиография

Архивные источники

Bengt Horn samling, E4304

Riksarkivet (Stockholm) (далее — RAS), Bengt Horn samling, E4304, Письма губернатору Эстонии Бенгту Хорну за 1658–1672 гг.

Livonica II, 179

RAS, Livonica II, 179, Письма генерал-губернатора Ингерманландии Симона Грундель-Хельмфельта шведскому королю за 1668–1670 гг.

Livonica II, 180

RAS, Livonica II, 180, Письма генерал-губернатора Ингерманландии Симона Грундель-Хельмфельта шведскому королю за 1671–1673 гг.

Литература и издания источников

Анисимов 1999

Анисимов Е. В., *Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке*, Москва, 1999.

Буганов 1994

Буганов В. И., «Розыскное дело» Степана Разина», *Отечественная история*, 1, 1994, 28–42.

——— 1995

Буганов В. И., *Разин и разинцы. Документы, описания современников*, Москва, 1995.

Висковатов 1878

Висковатов К. А., «Москва в 1687–1688 гг.», *Русская старина*, 23, 1878, 121–129.

ГОЛЬДБЕРГ 1968

Гольдберг А. Л., “К истории сообщения о восстании Степана Разина”, in: А. Г. МАНЬКОВ, ред., *Записки иностранцев о восстании Степана Разина*, Ленинград, 1968, 157–164.

ДАВИД 1968

Давид И., “Современное состояние Великой России или Московии”, пер. с лат. А. В. Флоровского, Ю. Е. Копелевич, подгот. к публ. А. С. Мыльников, *Вопросы истории*, 3, 1968, 92–97.

ДЖЕНСЕН, МАЙЕР 2016

Дженсен К., Майер И., *Придворный театр в России XVII века. Новые источники*, Москва, 2016.

КОЙЭТТ 1900

Койэтт Б., *Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу*. = *Voyage van den Heere Koenraad van Klenk, Extraordinaris Ambassadeur van haer Ho: Mo: aen Zyne Zaarsche Majesteit van Moscovien*, пер. и примеч. А. В. Ловягина, С.-Петербург, 1900.

КУРЦ 1912

Курц Б., “Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII в.”, *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия*, 38 (март), 1912, 72–105.

——— 1914

Курц Б. Г., *Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса*, Москва, 1914.

МАНЬКОВ 1968

Маньков А. Г., ред., *Записки иностранцев о восстании Степана Разина*, Ленинград, 1968.

——— 1975

Маньков А. Г., ред., *Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования*, Ленинград, 1975.

НЕКЛЮДОВ 2014

Неклюдов С. Ю., “Фольклорный Разин: аспект демонологический”, in: *In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах*, Москва, 2014, 237–274.

ПОПОВ 1857

Попов А. Н., *История возмущения Стеньки Разина*, Москва, 1857.

ПОПОВ 1961

Попов М. Я., “О месте казни и погребения С. Т. Разина”, *Вопросы истории*, 8, 1961, 208–212.

РЕЙТЕНФЕЛЬС 1997

Рейтенфельс Я., “Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии”, in: А. РОДЕ, А. МЕЙЕРБЕРГ, С. КОЛЛИНС, Я. РЕЙТЕНФЕЛЬС, *Утверждение династии*, Москва, 1997, 231–406.

РОВИНСКИЙ 1891

Ровинский Д. А., *Материалы для русской иконографии*, 12, С.-Петербург, 1891.

СМЕНЦОВСКИЙ 1932

Сменцовский М. Н., “К истории казни Степана Разина”, *Каторга и ссылка*, 3, 1932, 129–136.

СОЛОВЬЕВ 1991

Соловьев В. М., *Современники и потомки о восстании С. Т. Разина*, Москва, 1991.

СТРЕЙС 1935

Стрейс Я., *Три путешествия*, пер. Э. Бородиной, ред. А. Морозова, Москва, 1935.

СУМАРОКОВ 1774

Сумароков А. П., *Сокращенная повесть о Стеньке Разине*, С.-Петербург, 1774.

ШАМИН 2011

ШАМИН С. М., *Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*, Москва, С.-Петербург, 2011.

ШВЕЦОВА 1959

ШВЕЦОВА Е. А., сост., *Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов*, 2/2, Москва, 1959.

——— 1962

ШВЕЦОВА Е. А., сост., *Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов*, 3, Москва, 1962.

ЯКУБОВ 1897

ЯКУБОВ К. И., “Россия и Швеция в первой половине XVII века”, *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете*, 182/3, 1897, 1–х, 1–240.

DROSTE, MAIER 2018

DROSTE H., MAIER I., “Christoff Koch (1637–1711) – Sweden’s Man in Moscow,” in: S. G. BRANDTZÆG, P. GÖRING, C. WATSON, eds., *Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century*, Leiden, Boston, 2018.

GOL'DBERG 1970

GOL'DBERG A. L., “Deutsche Quellen des 17. Jahrhunderts über Stepan Razin,” in: H. GRASSHOFF, U. LEHMANN, Hrsg., *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts*, Berlin, 1970, 209–232.

GOTTFRIED 1700

GOTTFRIED J. L., *Omstandigh vervolgh op Joh. Lodew. Gottfrieds Historische kronyck, of algemeene historische gedenk-boeken der voornaemste uytgeleesenste weereldlycke en kercklycke geschiedenissen. . .*, 2, Leiden, 1700.

IMHOF 1701

IMHOF A. L., von, *Neu-eröffneter Historischer Bilder-Saal, Das ist: Kurtze, deutliche und unpassionirte Beschreibung Der Historiae Universalis. . .*, 5, Nürnberg, 1701.

KÖRBER 2016

KÖRBER E.-B., *Messrelationen. Geschichte der deutsch- und lateinischsprachigen “messentlichen” Periodika von 1588 bis 1805* (= Presse und Geschichte – Neue Beiträge, 92), Bremen, 2016.

MAIER 2017

MAIER I., “How Was Western Europe Informed about Muscovy? The Razin Rebellion in Focus,” in: S. FRANKLIN, K. BOWERS, eds., *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850*, Cambridge, 2017, 113–151.

PEACEY 2016

PEACEY A., “‘MY FRIEND THE GAZETIER’: DIPLOMACY AND NEWS IN SEVENTEENTH-CENTURY EUROPE,” in: J. RAYMOND, N. MOXHAM, eds., *NEWS NETWORKS IN EARLY MODERN EUROPE* (=THE HANDPRESS WORLD, 35), LEIDEN, 2016, 420–442.

RAUCH 1952

RAUCH G., VON, “Moskau und der Westen im Spiegel der schwedischen diplomatischen Berichte der Jahre 1651–1655,” *Archiv für Kulturgeschichte*, 34, 1952, 22–66.

KOLLMANN 2012

KOLLMANN N. S., *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge (MA), 2012.

WELKE 1976

WELKE M., “Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689),” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 23, Berlin, 1976, 105–276.

References

- Anisimov E. V., *Dyba i knut. Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke*, Moscow, 1999.
- Buganov V. I., "‘Rozysknoe delo’ Stepana Razina," *Otechestvennaia istoriia*, 1, 1994, 28–42.
- Buganov V. I., *Razin i razintsy. Dokumenty, opisaniiia sovremennikov*, Moscow, 1995.
- Droste H., Maier I., "Christoff Koch (1637–1711) – Sweden’s Man in Moscow," in: S. G. Brandtzæg, P. Goring, C. Watson, eds., *Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century*, Leiden, Boston, 2018.
- Gol’dberg A. L., "K istorii soobshcheniia o vosstanii Stepana Razina," in: A. G. Man’kov, red., *Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina*, Leningrad, 1968, 157–164.
- Gol’dberg A. L., "Deutsche Quellen des 17. Jahrhunderts über Stepan Razin," in: H. Grasshoff, U. Lehmann, Hrsg., *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts*, Berlin, 1970, 209–232.
- Jensen C., Maier I., *Pridvornyi teatr v Rossii XVII veka. Nove istochniki*, Moscow, 2016.
- Kollmann N. S., *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge (MA), 2012.
- Körber E.-B., *Messrelationen. Geschichte der deutsch- und lateinischsprachigen ‘messentlichen’ Periodika von 1588 bis 1805* (= Presse und Geschichte – Neue Beiträge, 92), Bremen, 2016.
- Maier I., "How Was Western Europe Informed about Muscovy? The Razin Rebellion in Focus," in: S. Franklin, K. Bowers, eds., *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850*, Cambridge, 2017, 113–151.
- Man’kov A. G., red., *Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina*, Leningrad, 1968.
- Man’kov A. G., red., *Inostrannye izvestiia o vosstanii Stepana Razina. Materialy i issledovaniia*, Leningrad, 1975.
- Nekliudov S. Iu., "Fol’klornyi Razin: aspekt demonologicheskii," in: *In Umbra: Demonologiia kak semioticheskaia sistema. Al'manakh*, Moscow, 2014, 237–274.
- Peacey A., "‘My Friend the Gazetier’: Diplomacy and News in Seventeenth-Century Europe," in: J. Raymond, N. Moxham, eds., *News Networks in Early Modern Europe* (=The Handpress World, 35), Leiden, 2016, 420–442.
- Popov M. Ia., "O meste kazni i pogrebeniia S. T. Razina," *Voprosy istorii*, 8, 1961, 208–212.
- Rauch G., von, "Moskau und der Westen im Spiegel der schwedischen diplomatischen Berichte der Jahre 1651–1655," *Archiv für Kulturgeschichte*, 34, 1952, 22–66.
- Shamin S. M., *Kuranty XVII stoletii. Evropeiskaia pressa v Rossii i vozniknovenie russkoi periodicheskoi pechati*, Moscow, St. Petersburg, 2011.
- Shvetsova E. A., sost., *Krest’ianskaia voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov*, 2/2, Moscow, 1959.
- Shvetsova E. A., sost., *Krest’ianskaia voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov*, 3, Moscow, 1962.
- Smentsovskii M. N., "K istorii kazni Stepana Razina," *Katorga i ssylka*, 3, 1932, 129–136.
- Solov'ev V. M., *Sovremenniki i potomki o vosstanii S. T. Razina*, Moscow, 1991.
- Welke M., "Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689)," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 23, Berlin, 1976, 105–276.

Acknowledgements

Riksbankens jubileumsfond, The Swedish Foundation for Humanities and Social Sciences.
Project No. RFP12-0055:1

Gleb Kazakov

Akademischer Mitarbeiter, Internationales Graduiertenkolleg 1956
„Kulturtransfer und ‚kulturelle Identität‘ — Deutsch-russische Kontakte im europäischen Kontext“, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg
Stadtstraße 5, D-79085 Freiburg
Deutschland/Germany
gleb.kazakov@gmail.com

Ingrid Maier, fil. dr.

Professor i ryska, Uppsala universitet, Institutionen för moderna språk
Box 636, SE — 751 26 Uppsala
Sverige/Sweden
Ingrid.Maier@moderna.uu.se

Received October 10, 2016